

Информация для цитирования:

Иванов А. А. Администрация Александровской центральной каторжной тюрьмы (1873—1917 гг.) / А. А. Иванов, С. Л. Курас, Т. Л. Курас // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 384—404. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-384-404.

Ivanov, A. A., Kuras, S. L., Kuras, T. L. (2024). Administration of Alexandrovskaya Central Penal Colony (1873-1917). *Nauchnyi dialog*, 13 (3): 384-404. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-384-404. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Администрация Александровской центральной каторжной тюрьмы (1873—1917 годы)

Иванов Александр Александрович¹

orcid.org/0000-0002-4855-8412

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
ottisk@irmail.ru

Курас Софья Леонидовна²

orcid.org/0000-0002-5452-2897

кандидат исторических наук, доцент
кафедры таможенного дела и
правоведения
корреспондирующий автор
kuras@list.ru

Курас Татьяна Леонидовна¹

orcid.org/0000-0003-1141-4543

кандидат исторических наук, доцент
кафедры судебного права
tanya_kuras@mail.ru

¹ Иркутский
государственный университет
(Иркутск, Россия)

² Иркутский государственный
университет путей сообщения
(Иркутск, Россия)

Administration of Alexandrovskaya Central Penal Colony (1873-1917)

Alexander A. Ivanov¹

orcid.org/0000-0002-4855-8412

Doctor of History, Professor,
Department of Russian History
ottisk@irmail.ru

Sofia L. Kuras²

orcid.org/0000-0002-5452-2897

PhD in History, Associate Professor,
Department of Customs and Jurisprudence

Corresponding author

kuras@list.ru

Tatyana L. Kuras¹

orcid.org/0000-0003-1141-4543

PhD in History, Associate Professor,
Department of Judicial Law
tanya_kuras@mail.ru

¹ Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia)

² Irkutsk State
Transport University
(Irkutsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассмотрены особенности формирования и деятельности администрации Александровской центральной каторжной тюрьмы, игравшей в системе Главного тюремного управления Российской империи заметную роль. Изучается структура управления Александровской центральной каторжной тюрьмой. Исследуется штатное расписание сотрудников, действующее в центре. Рассматривается кадровая политика с момента основания тюрьмы в 1873 году до коренной перестройки пенитенциарной системы России после революции 1917 года. Исследуются инструктивные письма, в которых были изложены полномочия сотрудников тюремного ведомства. Рассматриваются график и условия работы служащих, специфические в отношении содержания преступников в Александровской тюрьме. В статье анализируется размер денежного содержания тюремных чинов, его соотношение с уровнем дохода в других тюрьмах региона. Изучается укомплектованность руководящими сотрудниками администрации тюремного замка. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на низкую величину доходов сотрудников, неустраенность их быта, высокий уровень напряженности каждодневного труда, текучести кадров практически не было. На примерах работы отдельных смотрителей замка выявлено, что они проявляли равнодушное отношение к своим должностным обязанностям, стремление превратить тюрьму в образцовое учреждение. Установлен факт карьерного роста служащих Александровской центральной каторжной тюрьмы в рамках тюремной системы Иркутской губернии.

Ключевые слова:

тюрьма; тюремное ведомство; суд; тюремный служащий; наказание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the formation and activities of the administration of the Alexandrovskaya Central Penal Colony, which played a significant role within the Main Prison Administration of the Russian Empire. The management structure of the Alexandrovskaya Central Penal Colony is examined, along with the staffing schedule of employees. The article also delves into the personnel policy from the establishment of the prison in 1873 until the radical restructuring of the penitentiary system in Russia after the 1917 revolution. Instructional letters outlining the authorities of prison staff are analyzed, as well as the working hours and conditions specific to inmate management at Alexandrovskaya prison. The article scrutinizes the amount of monetary compensation for prison officials and compares it to income levels in other regional prisons. The staffing levels of managerial employees in the prison castle are investigated. Despite low incomes, disorganization in their personal lives, and high levels of daily work stress, there was virtually no turnover among staff. Through examples of individual wardens, it is revealed that they showed a committed attitude towards their duties, striving to make the prison an exemplary institution. The article establishes the fact of career advancement for employees of the Alexandrovskaya Central Penal Colony within the penitentiary system of Irkutsk Province.

Key words:

prison; prison administration; court; prison officer; punishment.

УДК 94(47).081.083+343.261.3(571.53)“1873/1917”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-384-404

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Администрация Александровской центральной каторжной тюрьмы (1873—1917 годы)

© Иванов А. А., Курас С. Л., Курас Т. Л., 2024

1. Введение = Introduction

В 2024 году исполняется 160 лет со дня проведения в России Судебной реформы. Именно во второй половине XIX века, вслед за появлением Судебных уставов 1864 года и преобразованиями, связанными с открытостью демократизацией, гласностью судебной системы, кадровым профессиональным составом, происходит реформирование и системы исполнения наказания. Эти изменения уже давно назрели и требовали особого внимания со стороны власти. Ведь отсутствие централизованного управления местами лишения свободы было одним из главных проблем системы и особенностью пенитенциарной части России вплоть до 80-х годов XIX века. Сама тюремная система этого периода была рассредоточена по нескольким ведомствам, что негативно сказывалось на содержании как каторжан, так и ссыльных.

Активное совершенствование тюремной теории и практики пришлось на 1870—1890-е годы. Оно оказало значительное влияние на состояние пенитенциарной системы в империи в целом, а в первую очередь в Сибири.

Уже в 1879 году было учреждено Главное тюремное управление (ГТУ). Первым начальником ГТУ был назначен действительный тайный советник М. Н. Галкин-Враской, сумевший за 17 лет нахождения в этой должности существенно изменить управление пенитенциарной системой за счет ее последовательной централизации. Важнейшей задачей тюремных органов во второй половине XIX века была надежная изоляция огромной массы преступного элемента, который буквально наводнил империю. Эта важная государственная задача не могла быть решена без другого стратегически важного вопроса, который остро назрел к тому времени в пенитенциарном деле — кадрового: в стране не было системы подготовки кадров пенитенциарных служащих низшего звена, поэтому соответствующие должности занимали, как правило, отставные военные или полицейские различных рангов, уволенные в запас.

В статье нами рассматривается кадровая политика руководства Александровской центральной каторжной тюрьмы (АЦКТ) со времени форми-

рования её как тюремного комплекса в 1873 году по 1917 год, когда закончилась история «царского» централа и открылась совершенно другая страница его деятельности, связанная с развитием уже советской пенитенциарной системы.

Интерес к истории Александровского централа не случаен, ведь именно это заведение являлось уникальным тюремным комплексом, состоявшим из каменного здания для постоянного содержания каторжан и деревянных бараков для пересыльной тюрьмы. АЦКТ была одной из самых больших в стране — в отдельные годы здесь содержалось от 1500 до 3000 заключенных. Кроме того, только она имела крайне значимое, по настоящему «центральное» географическое положение — все ссыльные, и уголовные, и политические, следовавшие в Забайкальскую и Якутскую области, содержались именно здесь, их партии реформировывались и ждали по несколько месяцев своего отправления, которое зависело еще и от условий речной навигации.

Целью исследования является изучение истории организации управления Александровской центральной каторжной тюрьмой, формирования её кадрового состава, особенностей штатного расписания, полномочий, доверствия служащих.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основным источником для исследования послужили материалы, находящиеся на хранении в фондах Государственного архива Иркутской области. Это прежде всего фонд 226-й «Александровская центральная каторжная тюрьма Иркутского тюремного инспектора при Иркутском губернском управлении, с. Александровское Балаганского уезда Иркутской губернии 1873—1916 годов» — 671 ед. хр. Материалы фонда — весьма информативны [Путеводитель..., 2017, с. 233].

Отдельные события из истории Александровской центральной каторжной тюрьмы отражены также в фондах других организаций. В целом материалы ГАИО являются, безусловно, ценным источником, их внимательное изучение позволяет исследователю восстановить, пусть и фрагментарно, отдельные сюжеты событий, происходивших в тюрьме, но опять же событий лишь начала XX века; о жизни централа 1880—1890-х годов информация отложилось значительно меньше.

Важным источником для изучения истории АЦКТ стали опубликованные делопроизводственные материалы Главного тюремного управления: ведомственная переписка, инструктивные письма, распоряжения по ГТУ, периодическая отчетность [Сборник..., 1911]. Оценки деятельности служащих Централа содержатся в записке М. Н. Галкина-Враского [Запи-

ска..., 1882]. С историей тюрьмы напрямую связаны и общие инструкции по ГТУ, публиковавшиеся отдельными изданиями [Общая..., 1916].

Что касается историографии проблемы, то основополагающими трудами по изучению вопросов развития тюремного дела для нас являются дореволюционные работы, ставшие уже отечественной классикой, — М. Н. Галкина-Враского, А. П. Саломона, И. Я. Фойницкого [Галкин-Враской, 1868; Саломон, 1898; Фойницкий, 1878] и др., — в них исследовались основы управления тюремными учреждениями. В советский период историографии тюремного дела основным источником изучения для нас стал фундаментальный, пятитомный труд М. Н. Гернета [Гернет, 1961]. В современной отечественной историографии тюремоведения хотелось бы выделить работы М. Г. Деткова [Детков, 1999], исследующего в целом историю карательной системы страны, в том числе и структуру управления тюрьмами. Что же касается трудов, посвященных непосредственно Александровскому централу, то важно отметить, что первые значимые работы по истории Александровской центральной каторжной тюрьмы были опубликованы в начале XX века, а авторами данных исследований были сами сотрудники тюремного ведомства. Большой интерес для исследователя истории централа имеет, к примеру, служебная записка смотрителя тюрьмы И. И. Лятосковича, опубликованная затем в виде статьи в журнале «Тюремный вестник». Статья содержит краткий исторический экскурс в прошлое Александровской тюрьмы, подробный анализ работы учреждения по размещению, содержанию, учету и организации труда политических и уголовных арестантов. Автор отдельно останавливается на системе оказания медицинской помощи заключенным, работе тюремной лавки и библиотеки, школы для взрослых и приюта для детей каторжан [Лятоскович, 1901].

Одна из статей другого смотрителя Александровской каторжной тюрьмы Ф. В. Савицкого повествует об особенностях работы тюремного служащего с осужденными за государственные преступления. Она дает более подробное представление о тюремных надзирателях, об их каждодневных должностных обязанностях и бытовых проблемах [Савицкий, 1907, 1908].

Дореволюционный период отечественной историографии централа можно рассматривать как время накопления и систематизации фактического материала о содержании и особенностях работы тюремной администрации.

После революции 1917 года бывшие политические узники централа стали публиковать воспоминания о пребывании в Александровских тюрьмах в изданиях Общества старых большевиков, Общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев «Каторга и ссылка». Конечно, в большей степени эти работы были посвящены повседневной жизни «политиков» на каторге и

в пересылке, самообразованию, подготовке к побегам и т. д. При этом деятельность тюремной администрации если и упоминалась, то изображалась только в отрицательном свете [Страхов, 1923; Фабричный, 1922 и др.].

Среди историографических источников советского периода особо необходимо отметить книгу профессора Иркутского университета Ф. А. Кудрявцева об Александровском центральном тюремном округе, изданную в 1936 года. Работа выполнена на значительном и разнообразном массиве архивных материалов (донесения служителей, справки о болезни арестантов, рисунки и стихи отдельных заключенных), абсолютное большинство из которых были введены в научный оборот впервые. Следует отметить и то, что книга Ф. А. Кудрявцева значительно шире заявленного названия и содержит материалы о «штрафной колонизации» Сибири, образовании первых революционных кружков в крае, нелегальной деятельности местных социал-демократических организаций, имевших тесные связи с политическими арестантами центрального округа [Кудрявцев, 1936].

В 1940-е годы изучение Александровской тюрьмы, как и многих научных тем, было прервано и возобновлено лишь с «хрущевской оттепелью». Важнейшая роль в исследовании центрального округа в этот период принадлежала Н. Н. Щербакову. Уже в первом выпуске серийного сборника научных статей «Ссылные революционеры в Сибири» Н. Н. Щербаков поместил объемную научную работу, в которой показал важнейшее место Александровской тюрьмы в карательной системе России [Щербаков, 1973, с. 215]. Дальнейшее комплексное, многостороннее исследование истории тюрьмы было продолжено в трудах учеников Н. Н. Щербакова — Н. Н. Быковой, Д. И. Дмитриева, А. А. Иванова, Н. Г. Шенмайер [Быкова, 1998; Дмитриев, 1989; Иванов, 2023; Шенмайер, 1997]. При этом следует все же констатировать, что в целом в советскую эпоху центральный округ исследовался в основном односторонне, как место, где подвергались жестокой каре противники самодержавия.

В дальнейшем в 2000-е годы история пенитенциарной системы в целом и Александровской тюрьмы в частности продолжала изучаться с различных сторон, уже без советских идеологических установок [Иванов и др., 2022]. Однако по-прежнему нет единого, комплексного исследования истории АЦКТ, с установлением всех сведений об организации здесь системы управления.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Штатное расписание Александровского центрального округа

Александровский центральный округ, как уже было сказано, был образован в 1873 году. В этом же году, 18 ноября, были Высочайше, то есть Государем императором, утверждены его штаты. Учитывая важность этого до-

кумента для нашего исследования, будет вполне оправданным привести его полностью:

«№ 52788. — Ноября 18 [1873]. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. — О проекте временного расписания должностей и расходов по управлению Александровской центральной тюрьмы близ Иркутска.

Государственный Совет, в департаменте государственной экономики и в общем собрании, рассмотрев представление управлявшего Министерством внутренних дел по проекту штата должностей и расходов по управлению Александровской центральной тюрьмы близ Иркутска, мнением положил:

1. Проект временного расписания должностей и расходов по управлению Александровской центральной тюрьмы представить на Высочайшее Его Императорского Величества рассмотрение и затем ввести в действие с 1 января 1874 года.

2. Потребные на содержание этого управления четырнадцать тысяч триста семьдесят рублей в год обратить на счет государственного казначейства, со внесением этой суммы с 1874 года, в подлежащие подразделения расходной сметы Министерства внутренних дел.

Резолюция. Его Императорское Величество воследовавшее мнение в Общем собрании Государственного Совета, по проекту временного расписания должностей и расходов по управлению Александровской центральной тюрьмы, Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить» [Полное..., т. XLVIII, 1876, с. 501—502].

Согласно тому же отчету за 1887 год, управление Александровской центральной каторжной тюрьмы составляли: смотритель с окладом содержания в 2000 руб. в год, помощник смотрителя — 1400 руб., эконом — 600 руб., письмоводитель — 400 руб., двадцать надзирателей, суммарный оклад которых составлял 5000 руб., то есть по 250 руб. на человека, ключник — 250 руб. Кроме этого, имелся врач — 1400 руб., фельдшер — 300 руб., аптекарский ученик — 300 руб. [ГАИО, ф. 32, оп. 5, д. 690, л. 7].

Следует отметить, что жалование надзирателей было мизерным и крайне недостаточным. Причину столь маленького оклада раскрывает нам смотритель И. Лятоскович в своей служебной записке, поданной на имя начальника ГТУА. П. Саломона летом 1898 года и опубликованной затем в «Тюремном вестнике». По его мнению, все дело в штатах, утвержденных еще в 1873 году. По каким-то причинам они ни разу не пересматривались. «Жалование надзирателей — 16 р. 33 $\frac{1}{4}$ к. в месяц, и на продовольствие и обмундирование отпускается еще 4 р. 16 $\frac{1}{2}$ коп.» [Лятоскович, 1901, с. 391]. Такое ограниченное, как говорит Лятоскович, жалование «крайне затрудняет при-

искание подходящих людей на должность надзирателей, а в особенности, на должность старшего надзирателя, который по штату не полагается» [Там же]. Во всех тюрьмах за исключением АЦКТ, — полагает автор, — надзиратели получают большее жалование. Александровская же тюрьма составляет исключение по той причине, что «временные штаты, утвержденные еще 16 ноября 1873 года, остаются в силе до сих пор» [Там же].

В 1901 году в центральном имелось 27 надзирателей. При этом семеро находились при исполнении своих обязанностей ежедневно, не чередуясь. Это были исполняющий обязанности старшего надзирателя, заведующий больницей, заведующий мастерскими, надзиратель при прачечной, при рабочей команде — двое, ключник. Остальные 20 надзирателей выходили на свою смену через сутки. Если исключить из 20-ти надзирателей двух при воротах тюрьмы, двух при входе в больницу и двух при управлении тюрьмой, где присутствие надзирателя необходимо ежедневно для охраны находящихся в канцелярии дел, документов, имущества, а также и для надзора за приходящими по делам арестантами, оставалось 14 надзирателей для надзора внутри тюрьмы, выходящих на дежурство через сутки. Как видим, график службы у надзирателей был весьма напряженным [Лятоскович, 1901, с. 393].

Число служащих тюрьмы постоянно варьировалось в зависимости от потребностей и обстоятельств. Так, согласно рапорту смотрителя тюрьмы, поданному в Иркутскую губернскую тюремную инспекцию в 1909 году, штат надзирателей составлял уже 65 человек, то есть увеличился более чем в три раза, что связано было, скорее всего, с увеличением числа политических каторжан, требовавших повышенного внимания. При этом из числа старших надзирателей только четверо имели жалование по 45 руб. в месяц, десять младших — по 30 руб. в месяц, 41 младший — по 25 руб., и 10 младших — по 20 руб. [ГАИО, ф. 226, оп. Оц, д. 5 а, л. 59].

В 1916 году число надзирателей Александровского центра выросло до 98. Несмотря на низкие оклады, сколько-нибудь заметной текучести кадров надзирательского состава в тюрьме не наблюдалось. По подсчетам Н. Н. Быковой, ежегодное пополнение числа надзирателей составляло от 6 до 10 % с учетом уволившихся. При этом надзирателей, проработавших в Александровском центре от 5 до 10 лет, насчитывалось более 64 %, а более 10 лет — 21 %. Вдобавок к этому — шестеро служили здесь 15 лет и более. Это при том, что бытовая сторона службы была неустроенной, казенных квартир для надзирателей центра не имелось, в селе Александровском, как правило, они снимали частные квартиры [Быкова, 2003, с. 218].

Тюремные служащие обязаны были носить форменную одежду, включавшую мундир, шаровары, шинель, несколько рубах, папаху или фу-

ражку, зимой — тулуп и валенки. Обязательным атрибутом формы была нагрудная бляха. Надзиратели централа были вооружены. По данным Н. Н. Быковой, основанным на архивных документах, в арсенале надзирателей каторжной тюрьмы имелись шашки, револьверы системы Смит и Вессон, наганы, а также свистки, которыми снабжались все постовые «с целью подачи сигнала тревоги или вызова дежурного надзирателя при необходимости» [Быкова, 2003, с. 219].

К слову сказать, низкое жалование было не только у служащих Александровского централа. В Иркутском тюремном замке оно было таким же низким. Так, помощник смотрителя Иркутской тюрьмы просил в ноябре 1886 года Иркутский губернский попечительный о тюрьмах комитет, не найдет ли тот возможным добавить к его содержанию из экономических фондов комитета денежную сумму «по своему усмотрению». Оказалось, что по постановлению начальника Иркутской губернии в сентябре он был назначен на должность помощника смотрителя тюремного замка «с окладом жалованья и столовых в год 400 руб., то есть 33 руб. 33 1/3 коп. в месяц». При этом помощнику смотрителя полагалось приобрести за свой счет еще и форменную одежду [ГАИО, ф. 32, оп. 5, д. 498, л. 65].

У вышестоящих чиновников тюремного ведомства денежное содержание было таким же низким. Так, к примеру, в тюремном отделении Иркутского губернского правления в ноябре 1904 года было занято 13 человек: пять штатных и восемь вольнонаемных. У штатного Горбунского Иннокентия жалование в месяц составляло 30 руб., у Мельникова Василия — 25, у Иванова Григория — 20 руб. У вольнонаемных оклад был чуть больше, в основном 30—35 рублей [ГАИО, ф. 32, оп. 6, д. 60, л. 1].

3.2. Полномочия смотрителей Александровской центральной каторжной тюрьмы

Между тем служба в тюрьме была весьма напряженным и ответственным делом. Об обязанностях старшего надзирателя Александровской центральной каторжной тюрьмы Д. Д. Токарева отлично рассказал Савицкий. Автор описал обычный день служащего. *Тюрьма еще спит, а Токареву нужно успеть управиться с массой хозяйственных дел: впустить во двор тюрьмы, а затем выпустить обратно ассенизационный обоз, причем следует внимательно исследовать содержимое бочек, так как бывали случаи, когда каторжане, спрятавшись в них, совершали побег. Затем с площадки, находящейся вне тюремной ограды, необходимо доставить в тюрьму достаточное количество дров, которые пойдут на кухню, хлебопекарню, прачечную, для отопления камер. При этом каждое полено должно быть осмотрено, так как в дровах может оказаться оружие или спирт. Затем помощнику надзирателя следует разбудить так называемые «рабочие ка-*

меры» и поставить на работу поваров, хлебопеков, прачек, дворников, служителей и работающих в мастерских арестантов; надо проследить за раздачей утреннего хлебного пайка, затем следует тщательно обыскать заступившую на службу смену надзирателей — ничего не поделаешь, и среди служащих бывают недобросовестные и корыстолюбивые люди. Потом начинается обход камер и поверка — необходимо переписать арестантов, желающих видеть смотрителя или заявляющих себя больными для направления их в амбулаторию. И все это обязанности одного человека — старшего надзирателя Д. Д. Токарева [Савицкий, 1909, с. 609].

Значительно больше каждодневных обязанностей было у смотрителя централа. Согласно Положению об Александровской тюрьме, принятому и утвержденному на государственном уровне статс-секретарем К. К. Гротом в апреле 1882 года, тюрьма находилась в непосредственном ведении Иркутского губернатора, а ближайшее управление поручалось смотрителю. Согласно параграфу пятого Положения, смотритель АЦКТ назначался по представлению Иркутского губернатора генерал-губернатором Восточной Сибири, а остальные чины — губернатором: помощник смотрителя — по выбору губернатора, врач — по представлению врачебной управы, священник — по сношению с местным епархиальным начальством, а экононом и письмоводитель — по представлению смотрителя тюрьмы. Параграф 10 весьма широко обозначал полномочия и обязанности смотрителя: во-первых, содержать тюрьму в исправности по всем вообще частям внутреннего и внешнего благоустройства, руководствуясь общими правилами инструкции, приложенной к 96 ст. Устава о содержащихся под стражею; во-вторых, направлять действия подчиненных ему лиц к точному выполнению служебных обязанностей; в-третьих, заведовать денежными суммами тюрьмы. При этом смотритель и его помощник не могли покидать тюрьму одновременно, «так что всегда должен быть на лицо тот или другой» [ГАИО, ф. 226, оп. 1, д. 374, л. 1—2]. Сам же смотритель мог отлучиться из АЦКТ «не иначе, как с разрешения губернатора» [Там же].

Подробнейшим образом полномочия и обязанности смотрителя были расписаны в общеимперской «Инструкции смотрителю тюремного замка», принятой еще в 1830 году. Пункт 208-й Инструкции гласил: «Смотритель есть полный хозяин тюремного замка и блюститель в оном внутреннею порядка, за который строго ответствен (по ближайшему отношению) полицеймейстеру, губернскому прокурору и губернатору, как своему начальству» [Инструкции..., 1882, с. 21]. Смотритель был ответственен за соблюдение чистоты, порядка, «опрятности, тишины и благочестия», обязан иметь в своем ведении «как все строение тюремного замка, так и принадлежащие оному вещи», предупреждать побег, наблюдать «осторожность от

пожара», распределять по своему усмотрению обязанности надзирателей и их помощников. При этом «все содержащиеся в тюремном замке (п. 221) должны быть в полном повиновении смотрителя и прочих лиц, через коих учреждается надзор за ними и самое распоряжение ими» [Там же].

Вместе с тем, несмотря на такие неограниченные полномочия, смотритель в «своей» тюрьме должен был обходиться с арестантами «кротко и человеколюбиво», постараться приобрести к себе доверие «распрашиванием о нуждах их, доставлением иногда некоторых пособий, ласковыми при трудах разговорами» [Там же]. Однако в исполнении своих обязанностей смотрителю надлежало поступать «со всею точностью и твердостью». Он не должен оставлять без наказания ни одного случая нарушения порядка и правил, для тюрьмы предписанных, так как малейшее «по сей части пренебрежение» может породить большие беспорядки, навлечь «неприятные следствия». При назначении наказания смотритель должен сохранять спокойствие духа, и «огнюдь не предаваться досаде и вспыльчивости, дабы сим самым удостоверит виновного, что делаемое ему наказание основано на справедливости» [Там же, с. 19—20].

Поистине огромными полномочиями обладал смотритель тюрьмы в отношении политических каторжан — особой категории заключенных. Так, согласно «Правилам о содержании политических заключенных в тюрьме», утвержденным 28 февраля 1886 года товарищем министра внутренних дел, сенатором, генерал-лейтенантом П. В. Оржевским, содержащиеся в губернских и уездных тюремных замках, а также и пересыльных тюрьмах политические арестанты как во время нахождения их под следствием и судом, так и по окончании производившихся по ним дел, а затем во время остановок в тюрьмах по пути следования к местам назначения состояли в прямом и непосредственном подчинении смотрителя тюрьмы и действующих под его руководством и наблюдением чинов тюремного надзора. По отношению к арестантам этой категории смотритель тюрьмы был «единственный и полный распорядитель, отвечающий за внутренний порядок и правильность содержания арестантов и действующий под руководством губернатора» [ГАИО, ф. 32, оп. Оц, д. 442, л. 1—2]. При этом полицмейстеры и уездные исправники, осуществлявшие наблюдение за действиями смотрителей от лица губернаторов и градоначальников, не имели права непосредственного распоряжения в тюрьме (за исключением случаев открытого беспорядка и сопротивления арестантов властям) и должны были ограничиваться лишь предписаниями смотрителям и «доведением об усмотренном» до сведения губернатора.

В свою очередь, смотритель тюрьмы и все подчиненные ему чины обязывались соблюдать в сношениях с политическими арестантами «должное спокойствие, строгость, беспристрастие» [Там же].

3.3. «Портреты» некоторых смотрителей тюрьмы

Известны имена нескольких смотрителей Александровской центральной тюрьмы. Так, в ведомственной переписке между АЦКТ и Иркутским губернским управлением за 1876 года имеется указание на то, что в это время «исправлял обязанности смотрителя Александровской центральной тюрьмы коллежский ассессор Повало-Швейковский. У нас есть основания предположить, что этот господин и был первым ее смотрителем [ГАИО, ф. 32, оп. Оц, д. 4, л. 20].

В 1880—1890-е годы должность смотрителя АЦКТ занимал Александр Петрович Сипягин. Хорошее впечатление Сипягин произвел на Дж. Кеннана. Это был, — пишет журналист, — «приятный, умный, образованный человек лет тридцати пяти — сорока», который принял гостей самым сердечным образом, настоял, чтобы они разделили с ним его завтрак. Во время экскурсии по тюрьме охотно рассказывал о практике содержания заключенных, рационе их питания, открывая перед путешественниками буквально все двери, был неизменно радушен и не скрывал, что восторженное впечатление, сложившееся у Фроста и Кеннана от увиденного, для него приятно и лестно [Кеннан, 1999, с. 239—240].

Служа смотрителем Александровского централа, А. П. Сипягин своим кропотливым и честным трудом превратил тюрьму в образцовую. Известный российский криминолог Д. А. Дриль, совершивший в конце XIX века длительную инспекционную поездку в Сибирь, Приморье и на Сахалин, отметив прекрасное состояние Александровского централа, резюмировал в своей книге «Ссылка и каторга в России»: «...Вот что могут сделать при известном содействии высшей местной власти и единичные усилия отдельных лиц, когда последние вкладывают живую душу в живое дело» [Дриль, 1898, с. 50].

Д. А. Дриль неоднократно отмечал «сердечное отношение» к каторжным со стороны смотрителя А. П. Сипягина. По итогам посещения Александровского централа криминолог сделал вывод, который, по его мнению, должен характеризовать деятельность всех тюрем России: «Начальство тюрьмы, — пишет он, — стремится воздействовать на арестантов не с точки зрения наказания, а с точки зрения поощрения». Примечательно, что после выхода своей книги автор отослал один экземпляр в Иркутск, сделав на обложке надпись: «Одному из лучших людей, Александру Петровичу Сипягину, в знак глубочайшего уважения к его высокогуманной, прекрасной деятельности на пользу “несчастных” от Д. А. Дриля. СПб., 1329/898». Сейчас это издание хранится в фонде редкой книги Научной библиотеки ИГУ им. В. Г. Распутина.

А. П. Сипягин был последователем мировоззрения Джона Говарда, известного английского филантропа XVIII века, полагавшего, что задачи тю-

ремного перевоспитания могут быть достигнуты только при условии уважительного отношения к правам и интересам преступника, последовательно выступавшего за организацию обязательного труда, одиночного тюремного содержания заключенных, строгую, но разумную дисциплину. Именно эти принципы в отношении к каторжанам и вводил А. П. Сипягин в Александровской центральной тюрьме. При нем не применялись розги, было существенно ограничено наказание карцером, сидельцы были максимально заняты обязательным трудом: поддерживали чистоту и порядок, пекли хлеб, стирали белье, ремонтировали помещения и двор, работали на огородах и в мастерских.

А. П. Сипягин скончался в Воронеже в 1911 году. Этот печальный факт не остался незамеченным и был освещен в иркутской газете «Сибирь». Не пожелавший открыть свое имя автор некролога перечислил (явно со знанием тюремного дела) заслуги А. П. перед «несчастенькими», как часто называли уголовных ссыльных: за время его заведования тюрьмой в заведении исчезли плети и вообще всякого рода телесные наказания; санитарное состояние было поднято на высоту, возможную «при скудости бюджета и переполнении тюрьмы». Не меньшее внимание обращал Сипягин на организацию дела призрения семейств ссыльнокаторжных. В ряде докладов в период службы тюремным инспектором он высказывался за целый цикл реформ — за отмену физического наказания, за установление предельного срока ссылки. Им был поднят вопрос о том, чтобы в паспортах ссыльных по истечении поднадзорного срока «были изъяты всякого рода ограничительные надписи» [Сипягин..., 1911, с. 3].

Автор некролога называл Сипягина «идеально честным, отзывчивым и гуманным, человеком», снискавшим себе большое уважение сослуживцев и любовь арестантов. Сипягин эту любовь всегда чувствовал и обходил камеры без всякой охраны, выслушивал арестантов, вникал в их просьбы и делал все от него возможное, дабы облегчить их тяжелую участь. Характерный факт: отдельные бывшие арестанты, жившие в с. Александровском как полноправные обыватели, вспоминая прошлую тюремную жизнь, с гордостью говорили, что они не сидели, а «служили вместе с А. П. Сипягиным», называя его «отцом и правильным начальником» [Сипягин..., 1911, с. 3].

Газета «Сибирь» отмечала и еще одно достоинство А. П. Сипягина — удивительное умение подбирать себе помощников, разделявших его убеждения и образ мыслей. Именно таким помощником и был второй смотритель АЦКТ — И. И. Лятоскович, служба которого здесь пришлось на 1901—1906 годы.

И. И. Лятоскович родился в Польше, за участие в антироссийском восстании 1863 года был выслан в Восточную Сибирь, а отбыв наказание, решил, что его нравственный долг — всеми доступными средствами и

способами стремиться облегчить положение уголовных и политических ссыльных в Сибири, будь то поляки, или русские. Именно с этой целью, как пишет И. И. Попов, он и поступил на службу в тюремное ведомство и был отмечен А. П. Сипягиным [Попов, 1989, с. 20].

В управлении тюрьмой И. И. Лятоскович продолжал либеральную политику своего предшественника: с заключенных были сняты кандалы, физические наказания не практиковались, улучшено питание и обеспечение одеждой, практически каждый каторжанин мог трудиться внутри или за пределами тюрьмы, причем по собственному выбору. Однако если у Сипягина все-таки в отношениях с заключенными преобладало строгое соблюдение дисциплины, то управление Лятосковича зачастую граничило с вседозволенностью. Вот как, с большой долей сарказма, описывает в эти годы централ следующий его смотритель Ф. Савицкий: «Отрывки ученых теорий о том, что преступник вообще только больной человек, требующий не возмездия за грехи свои, но ласки и тихого сердечного привета, проникли сюда и здесь, бестолково понятые, без всякого распоряжения свыше, проводились в жизнь» [Савицкий, 1909, с. 615]. «Лишь только новичок каторжанин переступал порог тюрьмы, с него немедленно снимали оковы и этим как бы говорили: — Видишь ли, кандалы отжили свой век, и мы не хотим ими тебя наказывать. Цени же нашу сердечность и знай, что в тебе мы видим не преступника, но друга и брата. И работой тоже тут не задалживали. Если каторжанин нагнулся и сбросил в сторону со своей дороги кусок дерева или щепу, то сейчас же справлялись ... — сколько же именно следует уплатить за этот “труд” — и платили. На проступки арестантов, часто весьма скверного свойства (например, оскорбление лиц тюремной администрации, плевание в глаза тюремным надзирателям и проч.) смотрели как на проявление больной, и потому не наказуемой, воли. Телесное же наказание рассматривали как глубоко позорный и чрезвычайно унижительный акт насилия над “святой” личностью человека...» [Там же].

При А. П. Сипягине и И. И. Лятосковиче Александровский централ стал, своего рода витриной пенитенциарной практики России. В высоких, просторных и светлых камерах поддерживалась чистота; опрятными, аккуратно подстриженными выглядели и арестанты, питавшиеся лучше, чем иной российский крестьянин или рабочий. В АЦКТ даже имелась книга для почетных гостей, в бархатном переплете с золотым тиснением, в которой расписывались все важные посетители и столичное начальство. В стране, в особенности за Уралом, эта тюрьма много лет пользовалась славою образцового по своим порядкам пенитенциарного учреждения.

Вплоть до 1905 года централ был объектом повышенного интереса для всевозможных журналистов и путешественников. Наблюдая либеральные

порядки, заведенные зрителями, гости не скрывали удивления и не скупилась на восторженные отзывы. Вот, к примеру, диалог французских путешественников Шафанжона и Матиссена, побывавших в АЦКТ в 1895 году, с издателем «Восточного Обозрения» И. И. Поповым, бывшим политическим ссыльным, из которого следует, что часть иркутян весьма трезво смотрели на настоящее знаменитого централа: «Вы государство контрастов и невероятных возможностей! Ведь такой тюрьмы, таких тюремных порядков, как в Александровском селе, нет нигде в мире», — так говорил один из французов. На что Попов отвечал: «По Александровской тюрьме нельзя судить о русских тюрьмах. Она единственная в России и существует для того, чтобы показывать ее иностранцам. Ради этого терпят и самую тюрьму, и таких идеалистов-тюремщиков, как А. П. Сипягин и И. И. Лятоскович. Но посмотрите другие тюрьмы, Кару, Акатуй, централы... Там вы увидите совершенно другое, часто глупо жестокое... Правда, в наших тюремщиках нет системы и настойчивости, как у вас в европейских тюрьмах. Ни один режим в нашей тюрьме долго держаться не может. Благодушные и лень русского человека смягчают суровость режима, но эти черты не исключают возможности самых ужасных и неожиданных эксцессов, которые не только предупредить, но и предвидеть трудно» [Попов, 1989, с. 19].

По-настоящему радушными были у И. И. Лятосковича отношения с политическими каторжанами, в которых он, по всей видимости, видел людей «равных», а поэтому оказывал им соответствующий «прием». Политики не испытывали в Александровском каторжном центре «притеснений» обычного содержания и в течение дня свободно перемещались по тюрьме, посещая камеры своих соседей. Под «честное слово» им разрешались прогулки по селу и даже поездки в Иркутск. Нередко такое хорошее отношение переходило всякие границы и больше походило уже на должностное преступление. Например, как пишет И. И. Попов, некоторые заключенные, пользуясь ежедневными обязательными посещениями начальника тюрьмы, «подсовывали в его карманы письма, которые он отправлял по почте», минуя непременно жандармскую перлюстрацию [Попов, 1989, с. 20—21].

В 1906—1909 годы смотрителем централа служил Ф. В. Савицкий, в 1909—1915 годы — И. С. Снежков, затем до Февральской революции — Н. К. Никитин. В этот период откровенных «заигрываний» с каторжанами уже не было, однако тюремный режим был по-прежнему либеральным. Даже после вооруженного группового побега заключенных, совершенного в 1908 году, сопровождавшегося человеческими жертвами с той и другой стороны, и «политики», и уголовные чувствовали себя в тюрьме достаточно «вольготно», никто не унижал их человеческого достоинства, телесные

наказания применялись в исключительных случаях, а взаимоотношения с администрацией менялись от взаимных уступок до тщательно соблюдаемого «нейтралитета» [Быкова, 2011].

В фонде 226 Государственного архива Иркутской области имеется рапорт смотрителя Александровской центральной каторжной тюрьмы его превосходительству господину инспектору Главного тюремного управления. Благодаря документу, нам известны основные служащие централа на 1909 год. Это смотритель тюрьмы Иван Сергеевич Снежков — коллежский асессор, штатный помощник смотрителя Иннокентий Васильевич Паншин — коллежский регистратор, штатный врач Георгий Иванович Гольшух — коллежский советник, священник отец Киселев, сверхштатные помощники смотрителя: Александр Александрович Франис, коллежский регистратор, Калашник Григорий Корнильевич — не имеющий чина, Алексей Степанович Шеметкин — не имеющий чина, Барабаш Яков Григорьевич — не имеющий чина, письмоводитель Яков Сидорович Сосновский — не имеющий чина, исполняющий обязанности эконома Михаил Павлович Соловьев — не имеющий чина, а также фельдшеры Михаил Васильевич Истомин — коллежский регистратор и Сергей Александрович Гольдберг — не имеющий чина. Кроме этого, сверх штата служили фельдшер Осин Осинович Журомский и Александр Афанасьевич Дмитриев — кандидат на классную должность, а также фельдшерица-акушерка Аделаида Людемировна Ушакова. Постольку поскольку Александровская центральная каторжная была пенитенциарным заведением, предназначенным сугубо для мужчин, можно предположить, что акушерка обслуживала женщин, проживавших в селе Александровском и его окрестностях, добровольно последовавших на каторгу за своими мужьями [ГАИО, ф. 226, оп. Оц, д. 5а, л. 59 а].

3.4. Значение канцелярии в системе тюрьмы

Немалую роль в организации повседневной жизни тюрьмы играла канцелярская служба. Через нее проходила громадная переписка с Иркутской тюремной инспекцией, начальниками мест заключения, откуда прибывали ссыльнокаторжные, корреспондирование с различными структурами общей полиции на территории будущих мест поселения, отбывших срок наказания каторжан, извещение родственников о смерти арестантов, всевозможная отчетность и т. д. Будет не безынтересно в связи с этим рассмотреть расписание работы канцелярий тюрем Иркутской губернии, установленное приказом инспектора в декабре 1910 года. Инспектор предлагал начальникам мест заключения установить со дня получения настоящего приказа продолжительность занятий в тюремных канцеляриях по будням — с 9 часов утра до 2 часов дня и с 6 часов вечера до 9. В день Нового года, Крещения Господня и Рождества Христова, Святой пасхи, те-

зоименинства государя императора, а также в день тюремного храмового праздника обычных занятий в канцеляриях не проводить, во все же остальные воскресные и неприсутственные дни занятия должны продолжаться с 11 часов утра до 2 часов дня [ГАИО, ф. 355, оп. 1, д. 4, л. 56].

Трудная, порой опасная и плохо оплачиваемая служба в системе Главного тюремного управления лишь изредка удаивалась поощрения и отмечалась государственными наградами. Так, нами был обнаружен единственный случай подобного рода: 11 августа 1908 года Тюремное отделение Иркутского губернского правления «препроводило» смотрителю Александровской центральной каторжной тюрьмы для награждения шесть «серебряных медалей, всемиловейше пожалованных государем императором за отлично-усердную службу надзирателям: Самуилу Гриценко, Спиридону Жилкину, Михаилу Завьялову, Михаилу Шабанову, Ивану Самойлову и Варламу Суворову», а также пять серебряных медалей «за беспорочную службу в тюремной страже» для «ношения на груди на Анненской ленте» [ГАИО, ф. 226, оп. 1, д. 8, л. 1 а, л. 78].

4. Заключение = Conclusions

Образование Главного тюремного управления и структурные перемены, последовавшие за этим в 1870—1880-е годы, определенным образом улучшили управленческую деятельность пенитенциарных учреждений в российской «глубинке» и в Сибири. Однако не все преобразования удалось реализовать. Так, рассмотренный нами уровень доходов сотрудников тюрьмы был по-прежнему низким, что объяснялось скудным бюджетом ГТУ, а также устаревшим штатным расписанием Александровского центра.

Изучение повседневной службы надзирателей АЦКТ выявило ее весьма сложный и напряженный характер. При небольшом штате служащих тюрьмы чинам ведомства приходилось решать сложные, многоплановые задачи, касавшиеся бытовых условий содержания осужденных, снабжения их казенной одеждой, улучшения питания, организации постоянного надзора, исключавшего побег и многие другие. Работа смотрителей любого тюремного замка требовала неординарных усилий, а в Александровском центре, где содержалось значительное число леворадикальных эсеров и социал-демократов, необходимы были знания истории политических партий, их партийных программ, решений последних съездов.

Следует отметить, что и низкое жалование, и напряженные условия службы в Александровской каторжной тюрьме не приводили к сколько-нибудь заметной текучести кадров надзирательского состава, большая часть сотрудников служили здесь по 10—15 лет и более.

Анализ биографий отдельных служащих АЦКТ позволяет сделать вывод о личных качествах смотрителей и надзирателей. Здесь служили в основном преданные своему делу люди, стремившиеся не только изолировать политического или уголовного преступника от общества, но попытаться пробудить в нем лучшие человеческие стороны. Именно с этой целью в тюрьме были организованы мастерские, в которых заключенные могли попробовать себя в токарном, слесарном или переплетном мастерстве, практиковалась работа на огородах и при тюремной ферме. В 1910-е годы большую роль в организации внутренней жизни АЦКТ играл Комитет тюрьмы, в который входили как ее служащие, так и заключенные. На заседаниях Комитета решались вопросы содержания оркестра, добровольной пожарной команды, обсуждались заявления каторжан о досрочном освобождении.

Институт смотрителей Александровской каторжной тюрьмы служил своеобразной «кузницей кадров» для тюремного ведомства. Так, в разные годы инспекторами Иркутской губернской инспекции служили (после окончания службы в АКЦТ) А. И. Сипягин, Ф. В. Савицкий, а также бывший врач централа Г. И. Гольшух, что, на наш взгляд, является лучшим подтверждением незаурядных качеств служителей Александровского централа [Адрес-календарь..., 1897, с. 20—21].

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Адрес-календарь* личного состава служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях города Иркутска на 1897-98 год. — Иркутск : [б. и.], 1897. — 314 с.
2. ГАИО — *Государственный архив Иркутской области*. Ф. 32; Ф. 226; Ф. 355.
3. *Записка* начальника Главного тюремного управления Т. С. Галкина-Враского по командированию его в Сибирь и на остров Сахалин в 1881—1882 годах. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1882. — 88 с.
4. *Инструкции* смотрителю тюремного замка. — Пермь : Типография губернского Правления, 1882. — 25 с.
5. *Общая тюремная инструкция*. Утверждена года министром юстиции 28 декабря 1915 года — Петроград : Типография Петроградской тюрьмы, 1916. — 110 с.
6. *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ)*. Собрание второе. Отделение второе. 1873. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1876. — Т. XLVIII. — 648 с.
7. *Путеводитель* по фондам Государственного архива Иркутской области. В 2-х частях / Сост. Ю. П. Колмаков, Е. А. Луговская, Н. В. Чичкова и др. — Иркутск : Изд-во «Отгиск», 2017. — 548 с. — ISBN 978-5-6040407-6-8.

8. *Сборник* циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879—1910 гг. — Санкт-Петербург : Издание ГТУ, 1911. — [646], 26 с.

9. *Сипягин А. П.* Сипягин (Некролог) / А. П. Сипягин // *Сибирь* : [газета]. — 1911. — № 48. — С. 3.

Литература

1. *Быкова Н. Н.* Влияние личности смотрителя на каторжный режим в Александровском центральном / Н. Н. Быкова // *Иркутский историко-экономический ежегодник*. — Иркутск : БГУ, 2011. — С. 102—106.

2. *Быкова Н. Н.* История Александровского централа (1900 — февраль 1917 гг.) : автореферат диссертации ...кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. Н. Быкова. — Иркутск, 1998. — 26 с.

3. *Быкова Н. Н.* Александровский централ : администрация и охрана / Н. Н. Быкова // *Сибирская ссылка : Сборник науч. ст. / Отв. ред. Н. Н. Щербаков*. — Иркутск : Оттиск, 2003. — Выпуск 2 (14). — С. 213—224.

4. *Галкин-Враской М. Н.* Материалы к изучению тюремного вопроса / М. Н. Галкин-Враской. — Санкт-Петербург : Тип. II отделения ЕИВ канцелярии, 1868. — 174 с.

5. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы : в 5 т. изд 3-е / М. Н. Гернет. — Москва : Гос.издат. юрид. литературы, 1961. — Т. 3. — 430 с.

6. *Детков М. Г.* Тюрьмы, лагеря и колонии России / М. Г. Детков. — Москва : Вердикт, 1999. — 410 с.

7. *Дмитриев Д. И.* Революционная деятельность большевиков в каторжных тюрьмах Восточной Сибири (1907 — 1914 гг.) : автореферат диссертации ...кандидата исторических наук : 07.00.01 / Д. И. Дмитриев. — Иркутск, 1989. — 21 с.

8. *Дриль Д. А.* Ссылка и каторга в России (Из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь) / Д. А. Дриль. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1898. — 50 с.

9. *Иванов А. А.* Дом казенный — Александровский централ: обзор историографии XX — начала XXI века / А. А. Иванов // *Известия Иркутского государственного университета. Серия История*. — 2023. — Т. 46. — С. 101—113. — DOI: <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.46.101>

10. *Иванов А. А.* Сибирская ссылка в отечественной историографии 1990—2010-х годов / А. А. Иванов, С. Л. Курас, Т. Л. Курас // *Научный диалог*. — 2022. — № 11 (1). — С. 395—413. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-1-395-413>

12. *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885—1886 гг.) / Дж. Кеннан. — Санкт-Петербург : БЛИЦ, 1999. — Т. 2. — 400 с.

13. *Кудрявцев Ф. А.* Александровский централ. (Из истории сибирской каторги) / Ф. А. Кудрявцев. — Иркутск : ОГИЗ, 1936. — 100 с.

14. *Лятоскович И.* Александровская центральная каторжная тюрьма / И. Лятоскович // *Тюремный вестник*. — 1901. — № 8. — С. 390—410.

15. *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы: Записки редактора / И. И. Попов. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1989. — 384 с.

16. *Савицкий Ф.* Александровская центральная каторжная тюрьма (Очерки) / Ф. Савицкий // *Тюремный вестник*. — 1907. — № 10. — С. 751—774.

17. *Савицкий Ф.* Побег арестантов из Александровской каторжной тюрьмы / Ф. Савицкий // *Тюремный вестник*. — 1909. — № 5 (май). — С. 609—638.

18. *Саломон А. П.* Тюремное дело в России / А. П. Саломон. — Санкт-Петербург : ГТУ, 1898. — 38 с.

19. Страхов Д. А. В Александровской пересылке : (Отрывки воспоминаний) / Д. А. Страхов // Каторга и ссылка. — 1923. — Выпуск 5. — С. 184—194.
20. Шенмайер Н. Г. Эсеры в каторжных тюрьмах Восточной Сибири 1907—1917 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. Г. Шенмайер. — Иркутск, 1997. — 26 с.
21. Фабричный П. Н. Вооруженный побег из Александровского централа / П. Н. Фабричный // Каторга и ссылка. — 1922. — Выпуск 4. — С. 121—125.
22. Фойницкий И. Я. Исторический очерк и современное состояние ссылки и тюремного заключения / И. Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1878. — 68 с.
23. Щербаков Н. Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири 1907—1917 гг. / Н. Н. Щербаков // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX века — февраль 1917 г.). — Иркутск : Изд-во Иркут.гос. ун-та, 1973. — Выпуск 1. — С. 208—242.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024,
одобрена после рецензирования 11.04.2024,
подготовлена к публикации 22.04.2024.

Material resources

- A guide to the collections of the State Archive of the Irkutsk region. In 2 parts.* (2017). Irkutsk: Publishing house “Ottisk”. 548 p. ISBN 978-5-6040407-6-8. (In Russ.).
- Address-calendar of personnel of employees in government, public and private institutions of the city of Irkutsk for the year 1897—98.* (1897). Irkutsk: [b. i.]. 314 p. (In Russ.).
- Collection of circulars issued by the General Prison Administration in 1879—1910.* (1911). St. Petersburg: Edition of GTU. [646], 26 p. (In Russ.).
- GAIO — *State Archive of the Irkutsk region. F. 32, F. 226, F. 355.* (In Russ.).
- General prison instructions. Approved by the Minister of Justice on December 28, 1915.* (1916). Petrograd: Printing House of the Petrograd Prison. 110 p. (In Russ.).
- Instructions to the caretaker of the prison castle.* (1882). Perm: Printing house of the provincial Government. 25 p. (In Russ.).
- Note by the head of the Main Prison Department T. S. Galkin-Vrasky on his secondment to Siberia and Sakhalin Island in 1881—1882.* (1882). St. Petersburg: [b. i.]. 88 p. (In Russ.).
- Sipyagin, A. P. (1911). Sipyagin (Obituary). *Siberia: [newspaper]*, 48: P. 3. (In Russ.).
- The Complete Collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). The second meeting. The second department. 1873, XLVIII.* (1876). St. Petersburg: [b. i.]. 648 p. (In Russ.).

References

- Bykova, N. N. (2003). Alexandrovsky central: administration and protection. In: *Siberian link: Collection of scientific articles, 2 (14)*. Irkutsk: Ottisk. 213—224. (In Russ.).
- Bykova, N. N. (1998). *The history of the Alexandrovsky Central (1900 — February 1917)*. Author’s abstract of PhD Diss. Irkutsk. 26 p. (In Russ.).
- Bykova, N. N. (2011). The influence of the caretaker’s personality on the penal regime in the Alexandrovsky Central. In: *Irkutsk Historical and Economic Yearbook*. Irkutsk: BSU. 102—106. (In Russ.).
- Detkov, M. G. (1999). *Prisons, camps and colonies of Russia*. Moscow: Verdict. 410 p. (In Russ.).
- Dmitriev, D. I. (1989). *The revolutionary activity of the Bolsheviks in the convict prisons of Eastern Siberia (1907—1914)*. Author’s abstract of PhD Diss. Irkutsk. 21 p. (In Russ.).

- Drill, D. A. (1898). *Exile and hard labor in Russia (From personal observations during a trip to the Amur Region and Siberia)*. St. Petersburg: [b. i.]. 50 p. (In Russ.).
- Fabrichny, P. N. (1922). Armed escape from the Alexandrovsky central. *Hard labor and exile*, 4: 121—125. (In Russ.).
- Foynitsky, I. Ya. (1878). *Historical essay and the current state of exile and imprisonment*. St. Petersburg: [b. i.]. 68 p. (In Russ.).
- Galkin-Vraskoi, M. N. (1868). *Materials for the study of the prison issue*. St. Petersburg: Type II of the department of the EIV Chancellery. 174 p. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1961). *The history of the tsar's prison: in 5 volumes*, 3. Moscow: State Publishing House. Jurid. Literature. 430 p. (In Russ.).
- Ivanov, A. A. (2023). Kazenny House — Alexandrovsky Central: a review of historiography of the XX — beginning of the XXI century. *Izvestiya Irkutsk State University. A series of Stories*, 46: 101—113. DOI: <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.46.101>. (In Russ.).
- Ivanov, A. A., Kuras, S. L., Kuras, T. L. (2022). Siberian Exile in Russian Historiography of 1990s — 2010s. *Nauchnyi dialog*, 11 (1): 395—413. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-395-413. (In Russ.). (In Russ.).
- Kennan, J. (1999). *Siberia and exile. Travel notes (1885—1886)*, 2. St. Petersburg: BLITZ. 400 p. (In Russ.).
- Kudryavtsev, F. A. (1936). *Alexandrovsky Central. (From the history of the Siberian penal servitude)*. Irkutsk: OGIZ. 100 p. (In Russ.).
- Lyatoskovich, I. (1901). Alexandrovskaya central convict prison. *Prison Bulletin*, 8: 390—410. (In Russ.).
- Popov, I. I. (1989). *The forgotten Irkutsk pages: Notes of the editor*. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 384 p. (In Russ.).
- Salomon, A. P. (1898). *Prison case in Russia*. St. Petersburg: GTU. 38 p. (In Russ.).
- Savitsky, F. (1907). Alexandrovskaya central convict prison (Essays). *Prison Bulletin*, 10: 751—774. (In Russ.).
- Savitsky, F. (1909). Escape of prisoners from the Alexandrovskaya convict prison. *Prison Bulletin*, 5 (May): 609—638. (In Russ.).
- Schoenmaier, N. G. (1997). *Social Revolutionaries in the convict prisons of Eastern Siberia 1907—1917*. Author's abstract of PhD Diss. Irkutsk. 26 p. (In Russ.).
- Shcherbakov, N. N. (1973). The number and composition of the political exiles of Siberia 1907—1917. In: *Exiled revolutionaries in Siberia (XIX century — February 1917)*, 1. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State University. 208—242. (In Russ.).
- Strakhov, D. A. (19123). In the Alexandrovskaya forwarding: (Excerpts of memoirs). *Hard labor and exile*, 6: 184—194. (In Russ.).

*The article was submitted 11.03.2024;
approved after reviewing 11.04.2024;
accepted for publication 22.04.2024.*